

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Материалы круглого стола

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

В предыдущем номере мы начали публиковать подборку выступлений, прозвучавших на обсуждении вышедшей в свет коллективной монографии «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы» [5]. В этом номере редакция завершает проект и представляет на суд читателей выступления: **Сергея Максимовича Малкова**, младшего научного сотрудника Института философии РАН, зав. отделом философии и религии журнала «Человек»; **Вадима Марковича Розина**, доктора философских наук, главного научного сотрудника ИФ РАН; **Елены Ивановны Ярославцевой**, кандидата философских наук, доцента, старшего научного сотрудника ИФ РАН.

В.М. Розин: Я высоко оцениваю вышедшую из печати книгу [5]. Похоже, что в философии и науке, даже если речь идет о естествознании, происходит неслышный поворот, подготавливается революция. Один из авторов книги, профессор Джулия Т. Клейн, пытается артикулировать складывающийся буквально на наших глазах новый тренд, пишет, что «в общих чертах акцент смещается с традиционной эпистемологии на решение проблем с предзаданного на возникающее, с универсального на контекстуальное» [там же, с. 81]. «Научное сообщество, — замечает Г.Б. Гутнер, — довольно быстро реорганизуется в результате вовлечения ученых в многочисленные проекты, рождающиеся ради решения проблем здравоохранения, охраны окружающей среды, при выработке политических или социальных стратегий, при попытках разрешения этнических или религиозных конфликтов и т.д. Идея науки при этом теряет определенность» [там же, с. 264].

Под сомнение ставится и классическое понимание познания. Я.И. Свирский пишет, что «термин «трансдисциплинарность» обретает особые нюансы, отсылающие к тем способностям разума, каковые

Кант не причислял к познавательным (например, к этическим и эстетическим способностям). И такие нюансы состоят именно в том, что трансдисциплинарность как бы исподволь ориентируется на выявлении того, что ускользает от «фильтрующего» взгляда классического познания» [там же, с. 246].

Поворот, о котором я говорю, был подготовлен, конечно, не только формированием и широким распространением междисциплинарных и в последние десятилетия трансдисциплинарных исследований, но также вызовом классической философии со стороны феноменологии (Гуссерль, Хайдеггер), постструктурализма (Делез и др.), методологии (западная методология науки и отечественная в лице М. Бахтина, М. Мамардашвили, Г. Щедровицкого и др.), философии языка и семиотики, конструктивизма и социальной философии. Нетрудно заметить, что многие авторы рассматриваемой книги в обосновании своих аргументов обращаются к положениям феноменологии и конструктивизма, теории коммуникации, не говоря уже о методологии.

Анализ вышедшей книги позволяет выделить в ней два основных типа работ. Первый — представляе-

Окончание. Начало см.: Человек. 2016. № 5.

Вадим Маркович
Розин

ние и описание образцов трансдисциплинарных исследований, введение необходимых для их понимания различий и понятий. Второй тип авторы статей, вероятно, охарактеризовали бы как анализ оснований таких исследований, обсуждение условий их мыслимости, особая рефлексия предъявленных образцов. Именно здесь обсуждаются новые представления о познании, науке, дисциплине и проч.

Я бы добавил к ним еще одно важное положение: анализ оснований и выяснение условий мыслимости *позволяет конституировать сами трансдисциплинарные исследования*. Эти исследования только формируются, и адекватное осознание и аналитическая проработка их еще только складываются, а потому они основываются, прежде всего, на творчестве и опыте отдельных “дисциплинариев” (термин методолога С. Попова). Поэтому в плане воспроизводства (как новый тип мышления) они множественны и феноменальны (то есть существуют как отдельные феномены, а не общезначимые построения и структуры).

Анализ оснований мысли и условий мыслимости отсылает нас к вопросу о той реальности (онтологии), в рамках которой двигаются (мыслят) авторы книги. А реальность, как я показываю в своих работах, не априорна, она в лице философии конституируется мышле-

нием, которое, в свою очередь, обусловлено культурой и личностью мыслящего. Последний, отвечая на вызовы времени, с одной стороны, деконструирует реальность, которая уже не удовлетворяет человека и общество, а с другой — конституирует разными способами (построение схем, понятий, идеальных объектов, дискурсов и проч.) новую реальность.

Чтение обсуждаемой книги показывает, и это вполне естественно, множественность предельных онтологий, их несовпадение у разных авторов книги. Б. Николеску утверждает, что невозможно мыслить единую реальность, а нужно говорить о *разных уровнях реальности*, которая как единство задается только видением мыслящего. В.С. Степин, на которого ссылаются многие авторы и видение реальности которого они разделяют, уже много лет пишет о *саморазвивающихся системах* с синергетическими эффектами. Е.Н. Князева рассуждает не только о системах и их становлении, подчиняющихся законам синергетики, но и об онтологии сложности. Близко (но не тождественно) этому делезовское понятие “ризомы” (как задающее предельную онтологию), которого, вероятно, придерживается Я.И. Свирский.

Поскольку Л.П. Киященко и П.Д. Тищенко деконструируют реальность посредством анализа коммуникации участников трансдисциплинарности (со-общительности, диалога, языка), постольку исчезает твердая почва для задания предельной онтологии. Поэтому не удивляешься, когда П.Д. Тищенко цитирует высказывание Э. Морена: “Целое — это дыра”.

Г.Б. Гутнер тоже отчасти деконструирует реальность, но иначе, чем Л.П. Киященко и П.Д. Тищенко. Он показывает, что трансдисциплинарность задается двумя разными дискурсами, находящимися в “отношении дополнения” (такое образование Г.Б. Гутнер называет “трансдискурсивностью”). На основе тако-

го объяснения Г.Б. Гутнер предлагает довольно правдоподобное истолкование реальности трансдисциплинарности как “нечеткой, размытой предметности”. “Мы можем, — поясняет он в конце своей статьи, — описать некоторые особенности трансдисциплинарного исследования... такая реальность исходно обозначена. Существует (или предполагается) общий горизонт исследования, заданной (но не данное) целое. По поводу этого целого у каждого участника проекта может быть свое собственное представление. Каждое из этих представлений выражено в терминах соответствующего дискурса. Тем не менее, есть исходная данность, общая для всех, некий предварительный консенсус по поводу предмета исследования. Эта исходная данность может быть (и, наверняка, является) крайне размытой, допускающей разные истолкования. Она составляет общее мнение о заданном целом, которое должны разделять участники проекта, чтобы хоть как-то договориться” [там же, с. 279].

Стоит отметить двойственное понимание и употребление перечисленных понятий. С одной стороны, они задают видение реальности и в этой роли обслуживают коммуникацию, направляют (как онтологическая эвристика) мысль дисциплинариев. С другой стороны, эти понятия часто используются апофатически, то есть для отрицания и запрета привычных представлений и способов мышления. Например, “дыра” не позволяет приписывать привычные для онтологии тождественные объектные характеристики. Ризома накладывает запрет на любой тип системных связей, поскольку мы не знаем, каким образом в ризоме связаны ее составляющие и части, где корень, а где его отростки и т.п. Саморазвивающиеся системы В.С. Степина, в силу включения в себя и объектов, и действий, и ценностей, накладывает запрет на строгое традиционное мышление, чем с удовольствием пользуются многие дис-

циплинарии в философии, науке и других практиках, считая себя свободными в рассуждениях от какой-либо логики. Как удобно, когда ты находишься в зоне постнеклассической науки — плыви себе без всяких правил куда угодно. А если вдруг укажут на противоречия (что, правда, бывает очень редко), тут же можно парировать: но ведь в саморазвивающихся системах допустимо практически все, не исключая противоречий становления в точках бифуркации.

Я думаю, что авторы книги, придерживающиеся, подобно В.С. Степину, Е.Н. Князевой или В.Г. Буданову, системно-синергетической стратегии, мыслят объекты изучения как самоидентифицируемые в рамках расширенного понимания естественнонаучного подхода. Такие объекты, конечно, имеют место, в том числе и в трансдисциплинарных исследованиях. Однако основные изучаемые и конституируемые здесь явления подчиняются другой логике, чем классические объекты. Чтобы сделать понятным это утверждение, рассмотрю два примера.

Первый — феномен платонической любви. В ее истории можно реконструировать четыре основных этапа становления и существования этой любви. На первом платонической любви создается и существует как виртуальный феномен в тексте “Пира”. Реальной любви, соответствующей содержанию этого текста, еще нет. На втором этапе греки, ощущающие себя личностями, начинают действовать в соответствии со схемами “Пира”, и формируется реальный психосоциальный феномен платонической любви. На третьем этапе на основе платонической концепции любви формируются варианты (типы) этой любви: концепция Плутарха, предполагающая любовь в семье и к собственной супруге; куртуазная любовь, в центре которой стоит образ прекрасной дамы; романтическая любовь, ориентированная на новоевропейскую личность, идеализацию и сильные

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

переживания. Складывается поле реальных, но разных вариантов платонической любви. Наконец, на четвертом этапе начинается изучение этих феноменов в рамках гуманитарной науки. Замечу, здесь не один объект — платоническая любовь, а четыре разных объекта, причем связанных генезисом. В этом смысле необходимо рассматривать “цикл жизни” или “эволюцию” изучаемого явления.

Второй пример — изучение холокоста. Первый его этап — становление и бытие холокоста как реального феномена. Если следовать Канту, то речь идет о вещи в себе с бесконечными и неизвестными нам свойствами. Второй этап, послевоенный, — начинается изучение холокоста, и появляются разные виртуальные, заданные в исследованиях, холокосты. Третий этап — постепенное переосмысление этого страшного события посредством разных виртуальных холокостов, а также полемики в прессе и обществе (то есть мы имеет дело уже с трансдисциплинарностью). Формируется не “дыра” (Э. Морен), а скорее ризома или размытая предметность, то есть многомерное, полифоническое, гетерогенное, многоуровневое видение и понимание холокоста, не самождественный объект естественнонаучного познания, а цикл жизни и эволюция явления, которое одновременно изучается и конституируется.

Холокост — только имя трагедии. А каков объект? Выясняется, что объектов изучения много: исторические предпосылки антисемитизма, состояние немецкой демократии, процесс захвата власти нацистами, характер немецкой бюрократии и государства, расистские концепции и их реализация, трансформация индивида и личности в социальных машинах и экстремальных ситуациях, перерождение общества и др. Чем связаны эти объекты помимо того, что они выступают сторонами холокоста? Можно ли говорить, что все они принадлежат

социальности как предельной онтологии социальной науки?

Лично я, сталкиваясь с подобными проблемами, прибегаю на первом этапе исследования для задания целого к “топическому анализу”. Что я понимаю под топосом? Определенный срез (план) изучаемого явления, с одной стороны, выступающий как самостоятельная реальность, с точки зрения изучения, а с другой — определенным образом связанный с другими топосами, которые выступают как необходимые условия существования данного топоса.

Сказанное можно проиллюстрировать на материале анализа работы З. Баумана “Актуальность холокоста” [1]. Первый топ — *ценности и методология изучения холокоста*, те представления, которые обусловили в его исследовании природу холокоста как социального феномена. Так, З. Бауман стремился:

- реализовать культурно-исторический взгляд;

- рассмотреть холокост как идеально-типическое построение (по М. Веберу);

- отчасти понять механизм становления этой страшной реальности, то есть провести в своем изучении ослабленный вариант естественнонаучного подхода (ослабленный потому, что не было ни применения математики, ни построения эксперимента).

Критикуя традиционную социологию и намечая новое понимание социальной реальности, З. Бауман реализует определенный философско-методологический подход. Наконец, налицо его гуманитарные пристрастия.

Второй топ — *процесс становления и функционирования холокоста*. Этот процесс был запущен нацистскими посылами (программами и проектами) и включал в себя ряд событий: захват власти, создание социальной технологии окончательного решения еврейского вопроса, а также других нацистских технологий (развертывание армии, идеоло-

гии и судопроизводства, воспитание молодежи и проч.), построение новых институтов, обеспечивающих воспроизводство данных технологий. Речь идет о социальной трансформации, в результате которой сложился новый тип социальности, характерный для Третьего рейха.

Третий топ — *анализ взаимоотношений, складывающихся между нацистской элитой, немецким обществом, профессиональными сообществами, евреями и другими этносами, подвергавшимися геноциду, народами, которые считались как союзниками Германии, так и ее врагами.* Например, сначала немецкое общество было напугано еврейскими погромами и нарушением Гитлером международных прав, и в этом смысле оно не поддерживало его, но потом нацистской элите с помощью немецкой бюрократии и судейского корпуса, а также выполнения обещаний порядка и более обеспеченной жизни удалось склонить общество поддержать политику фюрера.

Четвертый топ — *сложная система управления социальными нововведениями, которую создало нацистское государство.* Этот топ З. Бауман фактически не рассматривал, но в других исследованиях нацизма он был проанализирован¹.

Пятый топ — *характеристика становления и функционирования нацистского государства и общества в качестве социального организма.* Для внутренней среды Третьего рейха было характерно создание согласованных социальных институтов, обеспечивающих решение поставленных Гитлером задач; для внешней — завоевание или уничтожение других народов. Но Гитлер не учел ни общей экономической мощи его противников, превосходящей немецкие возможности, ни быстро возрастающего сопротивления его армиям, ни слабости и античеловечности самих идей, предлагаемых нацистами миру. В результате ему не удалось реализовать свою программу, а Германия была разгромлена.

Е.И. Ярославцева: Трансдисциплинарность можно рассматривать как научный подход, охватывающий не только разные дисциплины, но и методологию. Он позволяет сохранять баланс в ситуации активизации противоречивых тенденций, вырабатывая новые параметры научных знаний, границ и связей.

Как правило, дисциплины исчезают, как только уходит из практики человека их предмет. Он преобразуется в сферу, внутри которой появляются новые формы деятельности. Например, исчезает предмет многих древних деревенских промыслов, а значит, нет системы передачи таких знаний. Можно сказать, что у такой дисциплины уже нет четких границ, в рамках которых ставятся цели и достигаются результаты. Подобную область знаний следует рассматривать уже как часть истории: ее можно развешивать, представляя в качестве опыта культурного прошлого.

Дисциплины могут развиваться на основе как материальной, так и теоретической базы, дополняя друг друга системно разработанным инструментарием. Во времена резкой смены технологических систем происходит вытеснение принятых научных парадигм и традиционных подходов, демонтаж их методологий, дискредитация имеющихся результатов. Трансдисциплинарная

¹ См., напр., [3].

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

позиция позволяет в этом случае удержаться от крайностей, создавая многомерные системные решения, новые точки опоры.

Понимая закономерности смены культурно-научных знаниевых парадигм, можно составить перечень ушедших в небытие, потерявших свои границы дисциплин, а также выделить области риска и области роста новых предметных форматов социального и индивидуального развития. К таким предметным областям будут в целом относиться экологические и коммуникационные среды, поскольку человек усиливает свое присутствие — и по времени, и по интенсивности — в природной и культурной реальности.

Сегодня дисциплинарные подходы как бы конкурируют между собой, меряясь научно-метрической силой, реализуя классические, неклассические и постнеклассические подходы, показывая всю совокупность инструментов как продуктивный набор исследовательских практик. Методологические подходы как инструменты, порождаясь деятельностью человека, вполне могут существовать в трансдисциплинарном формате. Каждые из них, как методы, так и методологии имеют свои ограничения и продуктивны.

Важно, чтобы используемые подходы способствовали рождению нового знания, методов измерения и оценки сетевых сред виртуализирующегося мира. Человек входит в активный процесс освоения проблематичного виртуального мира, пространства, в котором совершенно не ясны сетевые перспективы, соотношения. То, что они открыты, не означает, будто все это богатство можно успешно реализовать. Ограничителем является во многих случаях сам человек, его ресурсный потенциал, а вне человека реализовать практическую задачу невозможно.

Поэтому рассмотрение прошлого опыта и трансляция его в будущее требует *различения ситу-*

аций времени. Опираясь на опыт предков хорошо, но он уже может быть неактуальным или нести в себе риски, поскольку не учитывает произошедших изменений. К сожалению, это иногда рассматривается как естественный, но не существенный момент.

Однако во многих случаях это очень важно, поскольку нарастает и динамика изменений среды. Традиционно исследователь не делает такого различения, и риски ускользают из области прогноза. Возможно, в прошлом, при меньшей динамике времени игнорирование таких изменений было неопасно, и риски, создаваемые новыми для того времени технологиями, не сильно влияли на развитие популяции, человека. Они в каком-то смысле были растянутыми во времени и не группировались в одной временной точке.

Трансдисциплинарность позволяет утверждать, что для всех типов культурно-научных знаний, не только гуманитарных, но и технических, важно учитывать характер отношения человека к своим ресурсам, тенденциям. Также для создания прогноза — анализа перспективы, будущего, — необходимо учитывать технологические инструменты, которыми оперирует человек.

Можно сказать, что необходимо активнее вводить постнеклассические критерии человекообразности в оценку научных знаний, ресурсов развития социума, рассмотрения актуальных соотношений человека и его современной цифровой самостоятельности. Безусловно, следует поддержать позицию В.Г. Буданова, считающего, что “Трансдисциплинарность расширяется представлениями о явлениях становления и динамического хаоса и воплощена в методологии синергетики и теории сложности” [5, с. 150]. Он обращается к сюжетам, связанным с таким психологическим качеством, как вопрошание, которое активно развивает новые формы соотносительности человека с миром. И постепенно ре-

ализуемая фонетически возможность превращается в потребность, создавая культурные механизмы аутопоэзиса, становления нервной системы человека на новом уровне сложности.

Человек обладает еще одной способностью, характеризующей его как сложную систему — быть одновременно в двух функциях. Это можно назвать онтологическим параметром существования индивида — дистанцированность и одновременно включенность в процесс. Постепенно человек овладевает способностью *различать себя в той и другой роли*. И современный социум начинает требовать этого от всех. Так, по мнению П.Д. Тищенко, “Умный (знающий) и простак (глупец) были воплощены в разных персонах; сегодня каждый может оказаться и в той, и в другой роли — эксперт и профан одновременно” [там же, с. 474]. Современная культура показывает, насколько многомерно социальное существование и насколько психика человека нашла свою форму самореализации. Гибкость переключения из одной — профессиональной — функции в другую — потребительскую функцию, — активно используется, но осуществляется за счет понимания себя в формате включенности в одно и дистанцированности от другого. Вспомним известный психологический тест-иллюзию, когда определенная картина может содержать два изображения, каждое из которых воспринимается то как Фон, то как Фигура. Свойства психики человека содержат эту потенцию гештальт-переключения, которая реализуется иногда явно, например, через визуальный ряд, а иногда неявно.

Как можно предполагать, этот формат связи с миром заложен в более глубоких — онтологических основах и проявляется как раз в соотношении с миром. Для индивида не является противоречием существование в непосредственной связи с чем-то и одновременно наблюдение

за этим процессом. Человек может “выходить” за пределы своей связанности, опосредовать себя, например, размышлениями, оценками. Элементы такого самовосприятия могут быть мгновенными, озаряющими, а могут становиться достаточно длительными. Все зависит как от уровня сложности психики, так и от целей деятельности человека.

Существование человека как сложной системы породило специфический процесс отношения с природой. Эти отношения проявились и в накоплении опыта, и в его фиксации, и одновременно в осознании его недостаточности для реализации перспективных планов, построения будущего.

Здесь наблюдалась своеобразная заикленность: вся перспектива строилась на воспроизведении прошлого, повторении, закреплении в памяти опыта. Человек, как свидетельствует культура древних обществ, жил для того, чтобы правильно умереть. Это был особый “социальный тренинг” по закреплению отношения к существующему миру как определенной психологической реальности. И выход из нее был один — в прошлое. Реальное время жизни было опосредованием смерти. Вплоть до того периода, когда жизнь стала восприниматься как непосредственное бытие, а смерть окончательно не превратилась в ничто.

Только после этого глобально опыта человек мог воспринимать дрящущую реальность, становясь сам ее причиной, находя для себя цели существования, интерес в ее преобразовании, активируя связь с природой. Стал работать индивидуальный аттрактор цели, усиливая многообразие существования индивидов, социума. Стоит заметить, что такие модели циклического существования, когда будущее окуналось в прошлое, или проживания жизни без цели, лишь в непосредственной данности бытия, в настоящем, совершенно без интереса к будущему, вполне могут

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

воспроизводиться и сейчас, поскольку являются феноменом человеческой психики.

Но жизнь становится все более сложной и сопряженной с новым опытом. Человеку приходится выходить на задачи управления перспективными процессами, планирования будущего, заполнения его истинными и правильными жизнеутверждающими идеями. Все более сложными становятся знания, основанные на опыте системы наук, где человек не всегда находит свое место. Ограниченный во времени индивид, таким образом, связывается с безграничным во времени и самостоятельным миром, порождая опыт и практику жизни в природе.

С.М. Малков: Прежде всего, мне хотелось бы выразить благодарность Ларисе Павловне Киященко — идейному вдохновителю и руководителю проекта, в результате которого был задуман, сформировался и вышел в свет обсуждаемый сегодня сборник трудов по трансдисциплинарности. Это фундаментальное исследование, к которому, я уверен, мы не раз еще будем обращаться.

Само понятие “трансдисциплинарные исследования” относительно новое для отечественного философского сообщества, и знакомясь с текстами сборника, я задался целью понять, что под ним авторы подразумевают. В книге присутствуют разные трактовки данного термина. И эта полисемантическая в данном случае является нормальной, поскольку традиция его использования у нас еще не устоялась. Лично я предпочитаю интерпретировать это понятие в смысле, близком к тому, как его трактует Б.Г. Юдин. Речь идет о научно-исследовательских проектах, для успешной реализации которых требуется *выход за пределы не только научной дисциплины, но и науки в целом*, обращение к каким-то вне-научным структурам, исследовани-

ям и сообществам, в частности, к этике, праксиологии, праву, бизнес-структурам, государственному органам, средствам массовой информации, к этнокультурным традициям, простым людям и т.д. Короче говоря, я понимаю трансдисциплинарность как “транснаучность”.

Изучение проблематики, связанной со взаимодействием науки и общества, у нас ведется давно, однако отношение к ней с течением времени менялось. В связи с этим не могу не упомянуть о семинаре “Наука и власть”, который работал в секторе “Этика науки” Института философии в самом начале 1990-х годов под руководством Александра Павловича Огурцова. Название семинара непосредственно обуславливалось тем, что в эпоху СССР власть в стране была монополизирована в руках партийно-государственной верхушки, и понимая это, многие советские ученые были заинтересованы в том, чтобы ее представители как можно меньше внедрялись в ткань научных исследований. В основном на семинаре анализировались *негативные* результаты подобного вмешательства для развития научных исследований, в частности на примере биологии, астрономии, геологии, языкознания, кибернетики и т.д. Чуть позднее вышла в свет книга В.Н. Сойфера “Наука и власть”, где автор рассматривал ту же самую проблематику на примере истории отечественной генетики. Вот как он там описывал последнюю встречу академика Н.И. Вавилова со Сталиным, состоявшуюся 20 ноября 1939 года. “Сталин подошел к своему столу, сел и без всяких вводных фраз, прерывая Вавилова на полуслове, изрек:

— Ну, что, гражданин Вавилов, долго вы еще будете заниматься пустяками, цветочками и прочей ерундой? Когда вы станете повышать продуктивность полей?

Вавилов попытался еще что-то рассказать, изложить свою пози-

цию относительно роли науки о цветочках для создания прочного задела в сельском хозяйстве, а, значит, через это — и для продуктивности полей.

Сталин недолго послушал и кратко бросил:

— Вы свободны” [4, с. 320].

Однако сегодня практика взаимодействия науки и внеаучных структур существенно изменилась. Изменились и ее оценки со стороны ученых, отечественных философов и даже простых людей. Свидетельством чему — обсуждаемый нами сборник статей. Маятник качнулся в противоположную сторону. И на это есть свои причины. С одной стороны, финансировать науку теперь готово не только государство, но и независимые коммерческие структуры. А они по своей сути нацелены в первую очередь на получение прибыли. С другой стороны, ученые сами ищут источники финансирования научного исследовательского проекта. Поэтому мысль о том, что наука выполняет вполне определенные социальные заказы, то есть существует в конкретном обществе, должна реагировать на его запросы и на этом зарабатывать деньги, перестала казаться такой пугающей. В результате ученые-исследователи оказались включенными в процесс “конструирования новой реальности”, которая соответствовала бы целям и задачам государства и/или крупных коммерческих корпораций. Так, на прилавках магазинов появились новые пищевые продукты, содержащие ГМО, новые люди, рожденные методом экстракорпорального оплодотворения, новые электронные базы данных, хранящие приватную информацию на граждан страны об их месте жительства, имуществе, здоровье, образовании, работе, доходах, расходах, семейном положении... Вплоть до биометрических данных. И теперь озабоченность проявляют уже простые граждане, которым приходится в этом мире жить.

Трансдисциплинарность в философии и науке

**Сергей
Максимович
Малков**

Для современной науки такое соучастие в “конструировании новой реальности” является одним из основных способов выживания и развития, поскольку таким образом она решает проблему финансирования своих исследований. И с этим нельзя не считаться.

На необходимость и желательность такого поворота науки к “жизненному миру” одним из первых обратил внимание Э. Гуссерль в своей работе “Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология”. Замечу, что понятие “жизненный мир” довольно часто упоминается в обсуждаемом сборнике статей. И это не случайно, поскольку Гуссерль в какой-то степени обращался к проблематике транснаучности и оценивал феномен сближения науки с жизнью положительно. Поэтому было бы интересно сравнить ситуацию, в которой писал свою работу немецкий мыслитель, с тем, что происходит в науке сейчас.

Итак, обратимся к гуссерлевскому труду. Следует отметить, что философ не успел довести его до конца; толчком к работе над этой книгой послужил доклад, прочитанный им в мае 1935 года в Вене, — городе, где в то время активно работал Венский кружок, распространяя на всю Европу позитивистские идеалы и нормы научного познания.

Гуссерль задается вопросом, можно ли серьезно говорить о кризисе, если сами науки процветают и демонстрируют постоянные успехи? Он справедливо полагает, что можно, ибо “кризис какой-либо науки по меньшей мере означает, что под вопросом оказалась ее подлинная научность, весь тот способ, каким она ставила перед собой свою задачу и выработывала для нее свою методику” [2, с. 17]. Этот кризис науки стал особенно отчетливо осознаваться людьми после Первой мировой войны: “Наука, говорят нам, ничем не может нам помочь в наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает как раз те вопросы, которые являются животрепещущими для человека <...>: вопросы о смысле и бессмысленности всего этого человеческого вот-бытия [Dasein]” [Там же, с. 20]. Согласно Гуссерлю, исток европейского кризиса наук касается вопроса о том, “что наука вообще означала и может означать для человеческого вот-бытия [Dasein]. <...> Науки всего лишь о фактах формируют людей, заботящихся лишь о фактах” [там же].

Эта “формирующая” функция науки особенно беспокоит немецкого философа, поэтому он выступает резко против позитивистского идеала объективной истины, “не зависящей ни от человека, ни от человечества”, требующей от науки абстрагироваться от всего субъективного, в первую очередь от ценностей и целей (“телоса”). Однако “можно ли разделить разум и сущее там, где познающий разум определяет, что есть сущее? — спрашивает Гуссерль. — Этому вопроса достаточно, чтобы заранее намеком дать понять, что весь исторический процесс <...> открывается только благодаря выявлению скрытой внутренней мотивации” [Там же, с. 27]. Можно сказать, что мыслитель пытается таким образом внести в современную ему науку элементы телеологии, равно как и в сам жизненный мир, частью которого наука является. Не исключено, что на это

вдохновила его не только психология, но и неоламарксистские теории эволюции, в том числе психоламаркизм Анри Бергсона.

Для обоснования необходимости перехода от объективно-логической науки “только о фактах” к более высокому по своей ценности глубинному нормативно-телеологическому научному познанию, Гуссерль прибегает к понятию “жизненный мир” (“Lebenswelt”), тяготеющий по смыслу к ранее использовавшемуся им термину “Dasein”. Этот мир является для науки некой предданностью, формирует ее подлинные мотивы, сам при этом оставаясь до и вне-научным. Все мы живем в жизненном мире, включая самих живых, ибо “их интересы не всегда бывают научными, и даже ученые не всегда бывают заняты научной работой”. А потому, продолжает он, “имеет смысл поставить вопрос о собственном и постоянном бытийном смысле этого жизненного мира, который он имеет для живущих в нем людей [там же, с. 168–169]. И если наука обратится к исследованию бытийного смысла “жизненного мира”, она тем самым исполнит “свое призвание (свою телеологическую функцию): дать нормативное руководство более высокому человеческому типу, который как идея должен был развиваться в Европе исторически” [там же, с. 6]. Разумеется, исполнить такое назначение не под силу позитивистской науке, формирующей людей по своему образу и подобию, то есть “заботящихся лишь о фактах”.

Обратить науку к проблемам жизненного мира — это задача, стоящая перед философией. Последняя понимается преимущественно как практическая деятельность. “В нашей философствовании мы выступаем как функционеры человечества. Целиком личная ответственность за истинность нашего собственного, основанного на внутреннем личном призвании бытия в качестве философов несет в себе и ответственность за истин-

ное бытие человечества, которое возможно только в стремлении к телосу и которое если вообще и может быть осуществлено в действительности, то только через философию, то есть через нас, если мы всерьез являемся философами” [там же, с. 34]. Говоря о такой философии, Гуссерль как бы “впадает в тоску” по утраченному ею единству, поскольку изначально европейская мудрость являлась таковой. Речь идет о “вечной философии” — “philosophia perennis”, истоки которой, опять-таки, коренятся в предданном жизненном мире, а ее колебимые истины обнаруживаются, даже в мифах и религиозных верованиях. То же относится и к изначально существовавшей в Европе единой, не разделенной на дисциплины “универсальной науке” — “mathesis universalis”. Однако в процессе исторического развития от философии отпочковывались частные науки, в результате чего на месте единства теперь образовалась груда осколков. Этот процесс зашел так далеко, что человечество стало утрачивать веру в возможность науки и философии обрести исходное единство. Каким образом, согласно Гуссерлю, можно ее вернуть? Путь к этой цели лежит через возвращение в науку субъектности, аксиологии и телеологии.

Таким образом, именно в обращении науки к предданному до- и вне-научному единому “жизненному миру” как подлинному истоку европейского духа, в потребности нарождающейся новой единой науки служить нормативным руководством для грядущего нового единого человечества, в отказе от позитивистского идеала “герметичности” научных дисциплин благодаря возвращению в науку аксиологии и телеологии и проявилась у Гуссерля идея трансдисциплинарности.

Следует отметить, что все эти мысли не были высказаны немецким философом в сколь-нибудь

строгой и систематической форме. Скорее надо говорить об “интуитивном улавливании” читателем этих идей, прорывающихся сквозь текст “Кризиса европейских наук”.

Теперь вернемся в наши дни и зададимся тем же гуссерлевским вопросом: можно ли серьезно говорить о том, что сейчас также намечается кризис науки? Полагаю, что постановка такого вопроса и положительный ответ на него правомерны, хотя для этого требуются определенные разъяснения, что такое кризис, которые я приведу чуть позже. Кризис затронул если не всю науку, то по крайней мере самую передовую ее часть, которую мы называем технаукой. Говоря конкретнее, это касается так называемых NBIC-технологий.

Гуссерль чувствовал большую проблему, что наука слишком далеко ушла от жизненного мира, а задачу философии он видел в том, чтобы приблизить ее к этому предданному миру и обогатить его, как и саму науку, телосом. Однако теперь ситуация поменялась. Сегодня наука слишком близко подошла к жизненному миру и его проблемам. Настолько близко, что этот мир вполне может быть ею существенно трансформирован и даже уничтожен. Для этого у технауки достаточно ресурсов. Вспомним хотя бы разработки в области редактирования генома человека². Кроме того, подлинный “телос” жизненного мира, о котором писал Гуссерль, на деле замещается сиюминутными целями и интересами государственных структур и крупных коммерческих корпораций.

Гуссерлевская “тоска по утраченному единству” пока не обернулась синтезом науки, мира и философии. Да и сам жизненный мир так и не наполнился новым *единым* человечеством. Он состоит из многочисленных субъектов-“деятелей”, так называемых социальных игроков, с разными, порой прямо противоположными интересами, которые очень трудно бывает сба-

² Подробнее см. об этом в [6].

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

лансировать, не говоря уже о приведении их к единству. Эти социальные игроки обладают разными властными ресурсами: одни могут вмешиваться и оказывать воздействие, порой определяющее, на процесс принятия решений при разработке и реализации научных проектов, а другие — нет.

И если немалое число биоэтических проблем в принципе можно решить на уровне биоэтического комитета, достигнув в данном вопросе консенсуса и приняв решение, которое устраивало бы все стороны, то, скажем, в сфере информационных технологий такой консенсус является скорее исключением, чем правилом. Мы можем наблюдать, как в обществе запускаются технологические проекты, реализующие интересы одних социальных игроков за счет ущемления интересов других. В числе последних нередко оказываются “конечные потребители” новых технологий — простые люди, мы с вами.

К сожалению, *на сегодняшний день удовлетворительных процедур, обеспечивающих принятие сбалансированных решений применительно к подобному рода “сложным” проблемам в обществе еще не выработано.* И до тех пор, пока они не будут найдены, законодательно оформлены и практически задействованы, кризис не исчезнет.

В заключение, как и обещал, несколько слов о кризисе науки, почему о нем можно и нужно сегодня говорить. Нынешний кризис действительно носит трансдисциплинарный характер. Он во многом связан с постепенным отказом науки от классического этоса. Фактически два из четырех мертоновских принципов больше не признаются учеными в качестве общеобязательных. К ним относятся:

- принцип открытости результатов исследований для научного

сообщества — результаты должны публиковаться в научных журналах для дальнейшего открытого обсуждения;

- принцип бескорыстности — ученому не следует стремиться к получению какой-либо личной выгоды, для него все должно ограничиваться чувством удовлетворения от решенной научной проблемы.

Таким образом, на наших глазах происходит *трансформация самого ядра научного этоса*, что как раз и свидетельствует о кризисном состоянии современной науки, а также о необходимости искать из него выход.

Нам остается научиться жить и взаимодействовать с наукой, переходящей на смену старой, объективистской, а также вырабатывать механизмы минимизации возможных негативных эффектов, способных проявиться в ближайшем и обозримом будущем. К этому кризису можно относиться по-разному. Однако, думаю, не о такой “новой науке”, несущей с собой риски и угрозы человеку, мечтал в свое время Эдмунд Гуссерль.

Литература

1. Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010.
2. Гуссерль Э. Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.
3. Рудаков А.Б. Контроль над обществом: опыт Главного управления имперской безопасности Третьего рейха. (URL: <http://telosophy.forumbook.ru/t98-topic>)
4. Сойфер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993.
5. Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / Под ред. Р. Шольца, В. Бажанова. М.: Навигатор, 2015.
6. Юдин Б.Г. Редактирование человека // Человек. 2016. № 3. С. 3–19.